

ПОПЫТКА ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ
КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ КОЛОРАТИВОВ «БЕЛЫЙ-ЧЁРНЫЙ»
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ С. ЕСЕНИНА И А. АХМАТОВОЙ

М.П. МИРОШНИЧЕНКО. СПРОБА ПОДОЛАННЯ ТРАДИЦІЙНОЇ
КОНЦЕПТУАЛЬНОЇ ОПОЗИЦІЇ КОЛОРАТИВІВ «БІЛИЙ-ЧОРНИЙ» У ХУДОЖНЬОМУ СВІТІ
С. ЄСЕНИНА І А. АХМАТОВОЇ.

У статті досліджуються колоративи «білий» і «чорний» в ліриці С. Єсеніна і А. Ахматової, які репрезентують традиційну опозицію добра і зла. У ліриці поетів присутня як традиційна концептуалізація опозиції біле-чорне (добро-зло), так і спроба подолання цієї традиції. Мета статті – дослідити авторську спробу подолання концептуальної опозиції біле-чорне (добро-зло) у творчості поетів. Проведений аналіз дозволяє дійти висновку про те, що у сферу опозиції «білого», тобто духовного, і «чорного», тобто перешикоди, входять принципово різні образи. У ліриці Єсеніна – це особистість, смиренна душа (визначається білим кольором), яку затьмарюють пороки (визначається чорним), а в ліриці Ахматової – це поезія, любов до чоловіка і Бог (білий), які затьмарюють муки творчості, важкі почуття, біль. Таким чином, в ліриці С. Єсеніна і А. Ахматової представлені різні шляхи подолання традиційного протиріччя опозиції біле-чорне (добро-зло), основна відмінність яких полягає в тому, що у героя Єсеніна біле знаходиться в ньому самому, а у героїні Ахматової – поза нею, або досягається завдяки впливу ззовні.

Ключові слова: білий, чорний, добро, зло, Єсенін, Ахматова, подолання протиріччя.

М.П. МИРОШНИЧЕНКО. ПОПЫТКА ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ
КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ КОЛОРАТИВОВ «БЕЛЫЙ-ЧЁРНЫЙ» В
ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ С. ЕСЕНИНА И А. АХМАТОВОЙ.

В статье исследуются колоративы «белый» и «чёрный» в лирике С. Есенина и А. Ахматовой, которые репрезентируют традиционную оппозицию добра и зла. В лирике поэтов присутствует как традиционная концептуализация оппозиции белое-чёрное (добро-зло), так и попытка преодоления этой традиции. Цель статьи – исследовать авторскую попытку преодоления концептуальной оппозиции белое-чёрное (добро-зло) в творчестве поэтов. В статье сделан вывод, что в сферу оппозиции «белого», т.е. духовного, и «чёрного», т.е. препятствия, входят принципиально различные образы. В лирике Есенина – это личность, смиренная душа (определяется белым цветом), которую омрачают пороки (определяется чёрным), а в лирике Ахматовой – это поэзия, любовь к мужчине и Бог (белый), которые омрачают муки творчества, трудные чувства, боль. Таким образом, в лирике С. Есенина и А. Ахматовой представлены различные пути преодоления традиционного противоречия оппозиции белое-чёрное (добро-зло), основное отличие которых заключается в том, что в герое Есенина белое находится в нём самом, а у героини Ахматовой – вне неё, или достигается благодаря чему-то, действующему извне.

Ключевые слова: белый, чёрный, добро, зло, Есенин, Ахматова, преодоление противоречия.

M.P. MYROSHNYCHENKO. THE ATTEMPT TO OVERCOME THE TRADITIONAL CON-
CEPTUAL OPPOSITION OF COLORATIVES "WHITE-BLACK" IN THE ART WORLD S. ESEENIN
AND A. AHMATOVA

The article examines the colorative "white" and "black" in the lyrics of S. Yesenin and A. Akhmatova, which represent the traditional opposition of good and evil. In the lyrics of the poets

there is a traditional conceptualization of the opposition white-black (good-evil), and an attempt to overcome this tradition. The purpose of the article is to explore the author's attempt to overcome the conceptual opposition of white-black (good-evil) in the works of poets. The article concluded that in the sphere of opposition "white", i.e. spiritual, and "black", i.e. obstacles, are fundamentally different images. There is a person, a humble soul (defined by white), which is overshadowed by vices (determined by black) in the lyrics of Yesenin, and there are poetry, love for a man and for a God (white), which are overshadowed by the agony of creativity, difficult feelings and pain in Akhmatova's lyrics. Thus, the lyrics of S. Yesenin and A. Akhmatova present various ways of overcoming the traditional contradiction of the opposition white-black (good-evil), the main difference of which lies in the fact that in the hero of Esenin the white is in himself, and in the heroine of Akhmatova is outside of it, or achieved through something that influences from the outside.

Key words: white, black, good, evil, Yesenin, Akhmatova, overcoming a contradiction.

Исследование прилагательных-колоративов при изучении авторской картины мира является продуктивным в связи с тем, что прилагательные – одно из средств языка с ярко выраженным вероятностным характером значения [4, с. 354], что делает прилагательное-колоратив гибким средством выражения индивидуально-авторских характеристик. «Цвет, так же как пейзаж и звук, отражает основные принципы поэтики писателя» [5, с. 231].

В фольклорной традиции все прилагательные-колоративы, особенно *белый* и *чёрный*, участвуют в репрезентации периферийных зон концептов-оппозитов «добро-зло». Символическое содержание цветообразов чёрного и белого в лирике С. Есенина и А. Ахматовой уже неоднократно было предметом рассмотрения (см.: [1; 3] и др.).

Цель данной работы – исследовать авторскую попытку преодоления традиционной концептуальной оппозиции «белый-чёрный» («добро-зло») в художественном мире С. Есенина и А. Ахматовой. Такое исследование позволит сравнить и углубить понимание особенностей мировоззрения поэтов и их языка.

Развитие цветовой символики скорее всего тесно связано с усложнением осмысления концептов добра и зла. Лирика С. Есенина и А. Ахматовой – пример богатой цветовой картины мира, поэтому вполне закономерно, что в художественном мире этих поэтов присутствуют как традиционная концептуализация оппозиции белое-чёрное («добро-зло»), так и попытка преодоления этой традиции.

Традиционно белый цвет является синонимом света, а чёрный – тьмы. «Мы пользуемся белым цветом как представителем света, без которого не виден ни один из цветов; и чёрным – для изображения крошечной тьмы» (Леонардо да Винчи «Трактат о живописи»). В фольклорной и христианской традиции *белый* интерпретируется как *трансцендентное совершенство, простота, чистота, невинность, священство, духовность, святость и непорочность*, за чёрным же закрепилось устойчивое негативное значение: *чёрная душа, чёрные мысли, чёрное дело* и др. [1]. В лирике С. Есенина и А. Ахматовой имеет место безоценочное, несимволическое употребление данных колоративов, а также два варианта традиционного их употребления в противоположных символических оценочных значениях: кроме значений, описанных выше («добро-зло»), слово *белый* употребляется в значении «бледный, холодный» – с отрицательной оценкой (напр., *белокурая соперница* у Ахматовой). предметом нашего дальнейшего исследования являются лишь те колоративы, которые выражают традиционную оппозицию *белый* – добро / *чёрный* – зло, и те, которые в концептуальном поле произведений имеют точки диффузии (белое это чёрное, а чёрное – белое), смягчения или переосмысления.

Анализируя традиционные концептуальные оппозиции колоративов *белый-чёрный* в лирике С. Есенина и А. Ахматовой, мы пришли к выводу, что в сферу оппозиции белого, т.е. духовного, и чёрного, т.е. препятствия, входят принципиально различные образы. В лирике С. Есенина – это личность, смиренная, робкая душа (определяется белым цветом), которую омрачают лживость и другие пороки (определяется чёрным), а в лирике А. Ахматовой – это поэзия, любовь к мужчине и Бог (белый), которые омрачают муки творчества, трудные чувства, боль, в том числе боль от родов (чёрный).

С. Есенин:

– *Не тоскуй, моя белая хата / Что опять мы одни и одни* («Гаснут красные крылья заката...») – образ одинокой тоскующей белой хаты как образ лирического героя.

– Яблоневым цветом брызжет душа моя белая... Я учусь моим сердцем цвет черёмух в глазах беречь («Пугачёв») – образ белой души.

– Белая свитка и алый кушак / Рву я по грядкам зардевшийся мак... Знаю, чем чужд ей и чем я не мил: / Меньше плясал я и меньше всех пил... Кротко я с грустью стоял у стены... Счастье его, что в нем меньше стыда («Белая свитка и алый кушак») – образ белого как кроткого, грустного, не пляшущего и не пьющего лирического героя и красного на фоне белого как стыдливого в любви.

– юные годы, где была любовь и горела душа (снова выплыла боль души) сравнивается с ромашковым полем, а та девушка была в белом: Да, мне нравилась девушка в белом / Но теперь я люблю в голубом («Сукин сын»).

А. Ахматова:

– Я несу букет левкоев белых / Для того в них тайный скрыт огонь («Обман») – образ любви.

– А чтобы она не запела о прежнем / Он белую птицу мою убил («Был он ревнивым, тревожным и нежным...»), Всё тебе: и молитва дневная / И бессонницы млеющий жар / И стихов моих белая стая («Я не знаю, ты жив или умер...»), Я голубку ей дать хотела / Ту, что всех в голубятне белей («Муза ушла по дороге...»), О, знала ль я, когда в одежде белой / Входила Муза в тесный мой приют («О, знала ль я, когда в одежде белой...»), Так птица о прозрачное стекло / Всем телом бьётся в зимнее ненастье / И кровь пятнает белое крыло («Тебе покорной? Ты сошёл с ума...») – образ поэзии и музыки.

– Богородица белый расстелет («Июль 1914»), И смотреть на белую Божию сирень («Лучше б мне частушки задорно выкликать...»), На пороге белом рая («На пороге белом рая...») и др. – образ Бога.

В целом, колоративы белый и чёрный в лирике А. Ахматовой более частотны, чем в лирике С. Есенина, так же, как и проблематика белого и чёрного (оппозиция добра и зла и попытка их примирения). В лирике С. Есенина особенно отчётливо эту тему можно обнаружить в двух произведениях: «Мне осталась одна забава...» и «Чёрный человек».

Поэма «Чёрный человек» по-разному оценивается литературоведами [1]. Н. Асеев, которому С. Есенин читал поэму, вспоминал: «Из-за неё передо мной вставал другой облик Есенина, не тот общеизвестный, с одинаковой для всех ласковой улыбкой, не то лицо «лихача-кудрявича» с русыми кудрями, а живое, правдивое, творческое лицо, умытое холодом отчаяния, внезапно просветлевшее от боли и страха перед вставшим своим отражением...» (цит. по [1]). По нашему мнению, то отражение себя, которое увидел герой в чёрном человеке, было целительным для него, поскольку было объективным: оно показывало не только тёмную его сторону, но и светлую (В книге много прекраснейших / Мыслей и планов... Был он изыщен, / К тому же поэт и др.). В речи чёрного человека звучит отчётливый оправдательный тон:

– Этот человек / Проживал в стране / Самых отвратительных / Громил и шарлатанов.

– Был человек тот авантюрист, / Но самой высокой / И лучшей марки.

– Хоть с небольшой, / Но ухватистой силою.

– Все неловкие души / За несчастных всегда известны.

– Я не видел, чтоб кто-нибудь / Из подлецов / Так ненужно и глупо / Страдал бессонницей.

Этот же оправдательный тон характерен и для героя стихотворения «Мне осталась одна забава», посвященного той же теме борьбы белого и чёрного (Розу белую с чёрной жабой / Я хотел на земле повенчать):

– Пусть не сладились, пусть не сбылись / Эти помыслы розовых дней. / Но коль черти в душе гнездились – / Значит, ангелы жили в ней.

Подобную попытку примирения черного и белого встречаем и в стихотворении «Не жалею, не зову, не плачу...». Видимо, этот примирительно-оправдательный тон есть не что иное, как проявление осознания единства противоположностей, следствие целостного восприятия мира через осознанность опыта: «...некто получает опыт, и это одна сторона, но затем этот опыт ещё должен быть опознан мозгом через другую нейронную сеть. Вторая составляющая отличается от первой, и обе вместе создают сознание» [2, с. 21].

Иными словами, и проблема, и попытка её решения для С. Есенина лежит в сфере личности, с помощью чёрного человека путем диффузного противопоставления/единства черного и белого герой восстанавливает целостность своей личности: через чёрное, благодаря

чёрному, он возвращается к себе белому, наступает тишина, «единочество» и проявляется белый: *Тих покой перекрестка. / Я один у окошка, / Ни гостя, ни друга не жду. / Вся равнина покрыта / Сыпучей и мягкой известкой* («Чёрный человек»). Об этом же пишет Н. Асеев: «...живое, правдивое, творческое лицо, умытое холодом отчаяния, внезапно просветлевшее от боли и страха перед вставшим своим отражением».

В лирике А. Ахматовой «приобщение» к белому, духовному, лежит не в сфере личности лирического героя, саморефлексирующего сознания, а в сфере божественного, творчества, любви к мужчине – это «её белое». Чёрным же является боль, которую она испытывает в любви и выражает в творчестве. «Таким образом, белый цвет репрезентирует концепт добро, находясь в периферийной зоне. Однако, символизируя чистоту и святость творчества, он обнаруживает неоднозначность, многомерность системных связей, так как является также источником боли, переживаний, сродни мукам, которые испытывает женщина, производя на свет дитя (ср. «муки творчества»)» [3, С. 49-50]. Эти страдания будто посланы Богом и необходимы для достижения счастья в любви, поэтому они хоть и чёрные, но светлые:

– *Доля матери – светлая пытка* («Где, высокая, твой цыганёнок»).

– *В ту ночь мы сошли друг от друга с ума / Светила нам только злоеющая тьма* («В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...»).

– *И чем темней, тем трогательней ты* («А ты теперь тяжелый и унылый...»).

– *Божий Ангел, зимним утром / Тайно обручивший нас, / С нашей жизни беспечальной / Глаз не сводит потемневших. / Оттого мы любим... И чернеющие ветки... тёмный город* («Божий ангел, зимним утром...»).

– *Был блаженной моей колыбелью / Темный город у грозной реки / И торжественной брачной постелью* («Был блаженной моей колыбелью...»).

Следовательно, в лирике А. Ахматовой белое находится вовне (Бог, мужчина), и оно как будто по самой своей природе неотделимо от чёрного (от страдания), оно одновременно и белое, и чёрное. Боль от этого противоречия и приводит героиню к белой музе творчества, к вдохновению (воодушевлению). В лирике же С. Есенина белое – это уже сама душа героя, к которой он пытается прийти через чёрное – боль восприятия своего отражения, принятие плохого и поиск хорошего.

Таким образом, в лирике С. Есенина и А. Ахматовой представлены различные пути преодоления традиционной концептуальной оппозиции белое-чёрное («добро-зло»), основное отличие которых заключается в том, что в творчестве Есенина белое представлено как находящееся в нём самом, а у героини Ахматовой – вне нее или достигается благодаря чему-то воздействующему извне (творчеству) или кому-то (мужчине, Богу).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурая Е.А. Лексико-семантическое ахроматическое поле с вершинами «белый» и «чёрный» как элемент идиостиля С.А. Есенина на материале лирики автора. *Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки*: сб. ст. по матер. V междунар. науч.-практ. конф. № 5(4). Новосибирск: СибАК, 2017. С. 77–85.

2. Дэниэл Н. Стерн и Boston Change Process Study Group. На обратной стороне луны: концепция имплицитного знания. Ч. 1. М.: Центр практической психологии «Гештальт подход», 2016. 48 с.

3. Кириллина Н.В. «Белый мир» Анны Ахматовой: особенности реализации семантики прилагательного белый в художественном пространстве поэта. *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 47–54.

4. Кошубарова Наталья: Семантика цвета. URL: <https://dr-slabinsky.livejournal.com/840318.html> (дата обращения: 09.05.2019).

5. Соловьёв С.М. Изобразительные средства в творчестве Достоевского. М., 1974. 352 с.

(Статья поступила в редакцию 20 марта 2019 г.)